

Даже если выдать её за ту девушку из простолюдинок, это вовсе не значит опозорить её. Этот брак принесет сплошную пользу и ни капли вреда как ей самой, так и семье Фу. Консорт Лин строила далеко идущие планы, однако она и помыслить не могла, что на этот раз всё давным-давно вышло из-под контроля.

На следующее утро Юнци и братья Фу по приказу Цяньлуна отправились в Трущобы, чтобы забрать Цзывэй во дворец.

Юнци был переполнен любопытством к этой сестре, с которой никогда прежде не виделся. Ему не терпелось узнать, что же она за девушка, раз Отец-Император придал ей столь огромное значение.

Чем ближе они подъезжали к Трущобы, тем более ветхим становилось вокруг. Повозка остановилась у ворот, и подрагивавшая на ухабах булыжная мостовая являла собой следы увядания. Кругом стояло несколько обветшалых низких хижин, земля была густо усыпана пылью и всяким сором, а в воздухе висел застарелый, затхлый дух.

Юнци невольно нахмурился. Он вырос в роскоши, окруженный шелками и изысканными яствами, неужто его родная сестра и впрямь жила в столь нищенской обстановке?

Эркан же, напротив, испытывал сильнейшее волнение. С той самой памятной встречи с Цзывэй он неизменно ловил себя на том, что в мыслях рисует её образ, и даже несколько раз видел её во сне. При этой мысли на лице Эркана невольно проступила дурашливая, влюбленная улыбка.

— Эй, вы двое, чего застыли у входа? Если будете просто так стоять столбом, думаете, удастся кого-то забрать? — Цзи Чжичэн хлопнул обоих по плечам.

Его слова вывели мужчин из задумчивости, и они шагнули вглубь двора.

Только они ступили за порог, как прямо им в лица что-то полетело.

— Осторожно, скрытое оружие! — Эркан и Юнци среагировали мгновенно и отпрянули в сторону, а вот шедшему позади Цзи Чжичэну не повезло — этот «снаряд» угодил прямо ему в лицо.

— Ай, до чего же больно! — Цзи Чжичэн чувствовал, как половина лица пылает огнем. Подняв злосчастный предмет, он с удивлением обнаружил женскую вышитую туфельку — мягко говоря, весьма неказистой расцветки.

Оказалось, что Сяо Яньцзы показывала детям фокусы с обувью, да не рассчитала, и туфелька улетела совсем не туда, куда надо. Бросившись на поиски пропажи, она с удивлением увидела у входа троих мужчин, причем один из них держал в руках её реквизит.

— Ой, извините ради бога! Вы не ушиблись? — Сяо Яньцзы широко распахнула глаза, узнав Пятого принца и его спутников. На сей раз иноземец с ними не пришел, зато появился какой-то незнакомый молодой человек.

— Опять ты, девица! В прошлый раз чуть с ног меня не сбила, а теперь вот вышитыми туфельками отстреливаешься, калечишь людей! — глядя на растерянную Сяо Яньцзы, Цзи Чжичэн не удержался от желания поддразнить её.

— Я тут во дворе спокойно фокусы показывала! Сами приперлись без спросу, с чего бы мне вас калечить? — Сяо Яньцзы держалась с напускной уверенностью, хотя правоты за ней особой не было.

— Тьфу ты, ну и девица, никакого стыда, сплошное самодурство! — возмущенно взмахнул рукавом Цзи Чжичэн.

Сяо Яньцзы показала ему язык и небрежно бросила:

— Подумаешь, стыд! Здесь, в Трущобы, закон — это я! — она даже не думала тушеваться. — Сами же полезли куда не просят, я еще молчу о том, что ты моей туфельке лицо подставил!

— Это я-то подставил лицо твоей туфельке? — Цзи Чжичэна аж перекосило от смеха, он впервые в жизни слышал столь нелепые отговорки.

Он уже собирался продолжить перепалку, но Юнцзи вовремя остановил его:

— Ладно-ладно, прекратите ссориться. Давайте сперва займемся делом.

Цзи Чжичэн с досадой отвел взгляд. Спрятавшись за спиной Юнцзи, Сяо Яньцзы украдкой скорчила ему забавную рожицу.

На этом раунд остался за ней.

Троих гостей провели в дом, где их уже давным-давно ожидали Цзывэй и Цзиньсо.

— Вы должно быть, Цзывэй? — Юнцзи подошел к девушке. Перед ним стояла тихая, элегантная девица с поистине утонченным, неземным обликом. Лишь бросив на неё взгляд, Юнцзи безошибочно понял: это его сестра.

— Да, эта скромная девица — Цзывэй, — она слегка присела в приветственном поклоне. Движения её были исполнены изящества и достоинства, однако пальцы, судорожно сминавшие шелковый плат, выдавали скрытое волнение.

Заметив смущение Цзывэй, Эركان шагнул вперед и пояснил:

— Госпожа Цзывэй, молодой человек, что говорил с вами только что, — это Пятый принц Юнци, пятый сын нынешнего Сына Неба. Вторым господином — это младший сын учителя Цзи, Цзи Чжичэн. А я — Фу Эركان, старший сын великого секретаря Фу Луня, ныне несущий службу императорским стражником. Мы ведь уже встречались прежде.

Эركان не упустил случая представиться во всей красе. Сам он не понимал, почему при виде огромных, полных влажного блеска глаз Цзывэй в памяти всплывали те самые бесстыдные грезы.

Сон был донельзя непристойным, и, пробудившись, он был готов отлупить себя по щекам. Пусть всё это привиделось во сне, но мысль о том, что он тем самым осквернил чистую девушку, не давала ему покоя, заставляя чувствовать себя последним невеждой.

— Цзывэй приветствует Пятого принца, господина Цзи и господина Фу, — не ведая о душевных терзаниях Эркана, вежливо ответила девушка.

— Не нужно столько церемоний. Как вам известно, в нашем поколении принято давать имена на иероглиф Юй. Я пятый по счету, так что, если посчитать, я ведь вам прихожусь пятибратцем, — с улыбкой произнес Юнци. Пока что произведенное сестрой впечатление было самым благоприятным.

Услышав это, Цзывэй почувствовала, как к горлу подкатывает комок, но она совладала с собой и рассудительно ответила:

— Пятый принц, до тех пор пока моё происхождение не будет официально признано Императором, прошу вас позволить мне обращаться к вам прежним образом. Я проделала путь пешком из Цзинаня в Пекин, преодолевая это расстояние больше полугода, и повсюду сталкивалась лишь с закрытыми дверями. Вы — первый кровный родственник, которого я повстречала на чужбине, и мне трудно передать словами всю глубину моего волнения.

Немного помолчав, она продолжила:

— И всё же, поскольку мы еще не предстали пред очи Императора и моё истинное рождение не подтверждено высочайшим указом, позвольте мне и впредь именовать вас Пятым принцем.

Слушая её размеренную речь, Юнци мысленно поражался. Кто бы мог подумать: хотя эта сестра долгие годы воспитывалась вдали от дворцовых стен, в каждом её слове и жесте чувствовалась такая безупречная выучка, к которой невозможно было придраться при всем желании. Иные столичные принцессы, выросшие под надзором нянек, и те уступали ей в манерах.

Мнение Юнци о Цзывэй сделалось еще лучше, и, вспомнив о скором переезде во дворец, он дал ей несколько полезных наставлений.

Тем временем в другом углу комнаты сидели лицом к лицу Цзи Чжичэн и Сяо Яньцзы, храня молчание и не вмешиваясь в общую беседу.

Матушка с млых лет внушала Цзи Чжичэну беречь себя для будущей жены, а потому он старался держаться на почтительном расстоянии от любых девиц. Сяо Яньцзы, конечно, составляла исключение — в конце концов, на обычную барышню она походила мало.

Сяо Яньцзы же просто не понимала половины из того, о чем шла речь.

Так они и сидели, глядя друг на друга во все глаза, молча перебрасываясь подозрительными взглядами.

Цзи Чжичэн разглядывал девчонку: да уж, хороша собой, глаза большущие, даже по-своему миловидна, но стоит связаться с ней — жди неприятностей. Наверное, у них просто несовместимость по судьбе, пожалуй, впредь стоит обходить её десятой дорогой.

Сяо Яньцзы в этот момент думала о другом: «Ишь какой ядовитый язык у этого паренька! В следующий раз непременно засуну ему в пасть вышитую туфельку!»

Прошло около часа, прежде чем Цзиньсо уложила дорожный скарб Цзывэй. По правде говоря, в дорогу собрался лишь один небольшой узелок — во дворце было абсолютно всё необходимое, так что верная служанка захватила лишь памятные вещицы, оставленные Сяо Юйхэ.

Тепло попрощавшись со всеми обитателями Трущобы, Цзывэй, Цзиньсо и остальные двинулись в сторону дворца.

Перед самым отъездом Лю Хун украдкой потянула Сяо Яньцзы за рукав:

— Сяо Яньцзы, Цзывэй едет во дворец к отцу набиваться, а ты-то куда следом за ней?

— Госпожа Лю Хун, это особая воля Императрицы — она велела доставить во дворец и барышню Сяо Яньцзы, — поспешил разъяснить Юнци.

Сяо Яньцзы беспечно отмахнулась:

— Верно, Лю Хун! В последние дни Императрица и нянька Жун были так добры ко мне, я просто обязана лично заглянуть к ним и попрощаться.

— Ну ладно... Только ты возвращайся поскорее, а не то мы с братцем и матушкой Сунь места себе не найдем от беспокойства, — тревога в голосе Лю Хун не утихала. Что такое этот дворец? При легкомысленном нраве Сяо Яньцзы стоило ей хоть в малом оскорбить какого-нибудь вельможу, как её голову мигом снесут с плеч.

— Полно тебе, Лю Хун, перестань бояться. Во дворце же будет Цзывэй, да и я ей всё-таки названная сестра, никто меня не обидит, — Сяо Яньцзы самоуверенно хлопнула себя по груди. Зная, как сильно та переживает за неё, она старалась выглядеть бесстрашной.

— Ладно уж. Только береги себя, слышишь? Если во дворце придется не по душе, возвращайся скорее, мы все будем ждать тебя.

Лю Хун скрепя сердце разжала ладонь.

— Не бойся, Лю Хун, как только — так сразу! — Сяо Яньцзы крепко обняла подругу на прощание, напоследок помахала остальным жителям Трущобы и последней забралась в карету.

Мерно покачиваясь, экипаж вскоре доставил их к дворцовым воротам. Не в силах совладать с замиравшим от волнения сердцем, Цзывэй приподняла краешек занавески. Перед её взором предстали величественные залы, алые стены и зеленеющая черепица крыш.

Опустив полог, она судорожно сжала руку Цзиньсо:

— Цзиньсо, я ведь не сплю? Это не сон?

Цзиньсо и сама едва сдерживала слезы:

— Барышня, всё по-настоящему! Скоро вы наконец обретете отца.

Сколько тягот выпало на долю её госпожи во время этого долгого пути, но теперь они наконец достигли цели. Все испытания и скитания оказались не напрасны, и душа покойной госпожи на небесах обретет покой.

— Матушка, вы видите? Цзывэй смогла, — воспоминания о матери, пронесшей свою любовь через всю жизнь и так и не дождавшейся воссоединения с любимым, вновь всколыхнули сердце. В глазах девушки защипало от слез.

Видя волнение Цзывэй и Цзиньсо, Сяо Яньцзы тоже прониклась этим настроением:

— Ой, Цзывэй, Цзиньсо, хватит реветь! Из-за вас мне тоже плакать хочется.

Цзывэй сквозь слезы улыблась:

— Сяо Яньцзы, спасибо тебе огромное. Если бы не ты, неизвестно, когда бы я еще увиделась с отцом.

— Полно тебе, Цзывэй, благодаришь тут ещё! Ты мне сестра, значит, твои заботы — и мои заботы тоже. К тому же для меня, воительницы Сяо Яньцзы, это сущие пустяки.

— Верно, Сяо Яньцзы, ты поистине величайшая из всех виденных мною воительниц. Жаль только, с крылатыми фразами у тебя беда, — Цзывэй прекрасно понимала, что та имела в виду выражение о легком труде.

Цзиньсо прыснула со смеху. Её госпожа слыла известной на всю округу мастерицей словесности, и сама она, вырастая при ней, тоже нахваталась умных слов.

— Ах так, Цзиньсо, ты еще и смеешься надо мной! — Сяо Яньцзы с криком бросилась на подруг, принявшись щекотать их обеих, и девушки покатались со смеху.

Слушая веселую возню в карете, ехавшие рядом мужчины невольно улыбались.

Тем временем в Зале Небесной Чистоты Цяньлун взволнованно мерил шагами пол, то и дело бросая тревожные взгляды на дворцовые ворота в надежде заметить возвращение детей.

— Император, не извольте беспокоиться. Юнци с Эрканом выехали сизмала, наверняка они уже ведут принцессу во дворец, — нежным голосом успокаивала его Консорт Лин.

Она годами пользовалась неизменным расположением монарха. Даже после того, как император на какое-то время отдалил её, Консорт Лин не выказывала обиды, а напротив, стала еще более услужливой и смиренной.

У Цяньлуна было немало жен и наложниц, но большинство из них происходило из знатных маньчжурских и монгольских родов, тогда как мягкая, податливая Консорт Лин являла собой редкое исключение. К тому же за ней не водилось серьезных провинностей, так что пара дней прохладного обращения — и она вновь вернула себе былую милость.

Императрица относилась к этому философски: пусть Консорт Лин хоть заново завоюет всеобщее обожание, перешагнуть через статус законной супруги ей было не по силам. А вот нянька Жун кипела от злости, мысленно желая исколоть иголками это лисье личико Консорта Лин.

— И то верно, Император. Вы уже полдня круги нарежете по Залу Небесной Чистоты, на вас глядя, и у меня сердце замирает, — слова Императрицы были чистой правдой. После того как в прошлой жизни Цзывэй вышла замуж и стала редко наведываться во дворец, Императрица не

видела её уже целую вечность, и сейчас в её душе шевельнулось странное чувство трепета перед долгожданной встречей.

— Ох, это я виноват перед Юйхэ, из-за меня девочка восемь лет скиталась по миру, совесть не на месте, — тяжело вздохнул Цяньлун.

Заметив терзания императора, Консорт Лин тотчас решила укрепить свои позиции в глазах будущей принцессы Минчжу. Любой неглупый человек понимает: заслужить милость государя — дело нехитрое, а вот заставить его испытывать угрызения совести — задача особого толка.

— Император, Пятый принц, старший господин Фу, господин Цзи и обе барышни уже прибыли к воротам, — вбежав в зал, доложил евнух Сяо Луцзы.

— Прекрасно, пусть немедленно входят!

Стоя у дверей Зала Небесной Чистоты, Цзывэй и Цзиньсо смотрели на вздымающиеся ввысь величественные кровли, чувствуя, как в груди замирает дыхание.

— Цзиньсо, Сяо Яньцзы, взгляните на меня, я нигде не оплошала? На мне нет изъянов? — впервые представая перед родным отцом, Цзывэй страстно желала выглядеть безупречно.

— Не бойся, Цзывэй, ты сейчас прекрасна как никогда! — Сяо Яньцзы легонько хлопнула её по руке, хотя её собственные коленки заметно подрагивали — ей ведь тоже предстояло впервые в жизни официально предстать пред очами Сына Неба.

В этот момент створки дверей медленно отворились, и столичный евнух громко возвестил:

— Дозволено войти барышне Цзывэй и барышне Сяо Яньцзы!

Сделав глубокий вдох, три девушки легкой поступью переступили порог Зала Небесной Чистоты. Император Цяньлун восседал на драконьем троне, благосклонно вглядываясь в вошедших.

Цзывэй шагнула вперед и опустилась на колени, продемонстрировав изящный, плавный поклон. Её звонкий, певучий голос прозвучал под сводами зала:

— Скрамная подданная Цзывэй приветствует Императора, Императрицу и Консорта Лин.

Сяо Яньцзы и Цзиньсо последовали её примеру, преклонив колени.

Едва Цзывэй переступила порог, нянька Жун впирила в неё пристальный взгляд. Боги мои,

неужто в эту самую длинную, утонченную, подобную побегам молодого бамбука и влажную от росы руку она когда-то вознамерилась вонзать иголки? Как у неё вообще поднялась рука? Какой грех, какой великий грех... Впрочем, никто не обращал внимания на внутренние терзания няньки Жун, все взгляды были прикованы к самой Цзывэй.

Консорт Лин смотрела на коленопреклоненную девушку с тайным восхищением. Кто бы мог подумать, что, вырастая в нищете среди простолюдинов, эта принцесса владеет дворцовым этикетом лучше иных аристократок — поистине, эта Сяо Юйхэ была женщиной непростой. Рядом Императрица с материнской нежностью глядела на девушку: эта девочка осталась такой же утонченной и благородной, как и в прошлой жизни.

Сама Цзывэй коленями ощущала холод плит и отчаянно боролась с волнением. К счастью, Эркан и Пятый принц заранее растолковали ей основные дворцовые правила, иначе она бы наверняка села в лужу.

— Дитя мое, поднимись, дай мне взглянуть на тебя, — Цяньлун уже успел подойти и остановился всего в нескольких шагах.

Цзывэй подняла голову, и её взору предстало доброе лицо императора. Глаза её мгновенно увлажнились, наполняясь чистой влагой.

Одного взгляда хватило Цяньлуну, чтобы без тени сомнений признать: перед ним плоть от плоти его и Юйхэ. Особенно эти большие, влажные, сияющие глаза — точь-в-точь как у той кроткой женщины из далеких воспоминаний.

— Император-отец... то есть, Император... перед смертью моя матушка просила передать вам вопрос: помните ли вы еще ту Сяо Юйхэ у вод озера Дамин? Она говорила также: крепок камыш словно шелк, но не дрогнет ли верный утес?.. — голос Цзывэй сорвался на всхлипывание.

Эти слова глубоко тронули сердце Цяньлуна. Юйхэ ушла из жизни столь юной, сгорев от тоски, и от этой мысли на душе стало тошно и горько.

— Это я виноват перед Юйхэ, я предал её. Если бы я вовремя прислал за ней людей, она бы не...

Консорт Лин, заметив терзания государя, поспешила сделать шаг вперед:

— Император, не извольте терзать себя столь сильно. Будь сестрица Юйхэ жива, она бы наверняка не пожелала видеть вас в таком горестном состоянии.

— И то верно, Император! Моя матушка любила вас всю жизнь, ждала вас всю жизнь и никогда не держала на вас зла, — с поблекшего лица Цзывэй уже вовсю катились слезы. — Матушка,

ты видишь? Отец не забыл тебя!

— Глупышка, что за «Император»? Пора бы уже назвать его Отцом-Императором, — Императрица растроганно наблюдала за этой сценой воссоединения.

— Отец-Император... — слёзы Цзывэй хлынули с новой силой, прорывая плотину. Казалось, в этом плаче выплеснулась вся та боль и обида, что они с матерью копили годами.

— Дитя мое, натерпелась же ты... — в глазах Цяньлуна тоже блестели слезы, и отец с дочерью плакали навзрыд в объятиях друг друга.

Стоявшие рядом Цзиньсо и Сяо Яньцзы тоже утирали слёзы — они лучше всех знали, через какие испытания прошла Цзывэй ради этого дня. И теперь её заветная мечта наконец сбылась.

Лишь спустя какое-то время они немного успокоились. Оглядывая расцветающую дочь, император чувствовал небывалое умиротворение.

Повернувшись к Императрице, он произнес:

— Императрица, Цзывэй только что вошла во дворец, ей здесь еще всё внове, позаботься о ней как следует.

С улыбкой ответила Императрица:

— Будьте спокойны, Император, я распоряжусь насчет всех её покоев и сделаю так, чтобы девочка привыкла к дворцовой жизни как можно скорее.

Зная её исполнительность, Цяньлун успокоился окончательно:

— Раз за дело берется Императрица, я спокоен.

Императрица шагнула вперед:

— Со всем прочным мы разберемся, осталось лишь решить главный вопрос — в каких покоях разместить Цзывэй?

Цяньлун немного подумал:

— Пусть поселится в Беседка Ароматных Трав (Шоуфанчжай). Там просторно и уютно, к тому же я хочу, чтобы они жили вместе с Сяо Яньцзы — сестрицы привязаны друг к другу, им так будет веселее.

— Слушаюсь, я сейчас же велю привести Беседка Ароматных Трав (Шоуфанчжай) в порядок для обеих принцесс, — на губах Императрицы заиграла улыбка. Пусть это место и находилось далековато от её Дворец Куннингун, но соседство сблизит девочек и избавит от излишней зажатости.

За исключением императорской четы и няньки Жун, остальные присутствующие опешили от таких слов. У Сяо Юйхэ была лишь одна дочь, откуда же взялись сразу две принцессы?

— Император, Императрица, но ведь Цзывэй одна-единственная, почему вдруг заговорили о двух принцессах? — Сяо Яньцзы удивленно выкатила глаза.

— Ха-ха-ха! Императрица, кажется, тебе придется разъяснить нашей Принцессе Хуаньчжу всю эту историю, — рассмеялся Цяньлун, заинтригованный наивным вопросом.

Императрица с материнской нежностью посмотрела на девушку:

— Сяо Яньцзы, скажи мне, не хочешь ли ты стать моей дочерью?

Сяо Яньцзы от такого свалившегося с неба счастья аж голову потеряла. Стать дочерью самой Императрицы? Но ведь она — всего лишь пичуга, залетевшая с воли, не знает никаких правил и не владеет ни кистью, ни цитрой на манер Цзывэй. С чего вдруг Императрице брать её в дочки?

— Императрица... но я же ничего не умею, и манер у меня никаких, как же я могу стать вашей дочерью? — в голове Сяо Яньцзы царил полный кавардак.

У неё сроду не было матери: она росла сиротой при монастыре, а позже нашла приют в Трущобы у Лю Цина и Лю Хун. При всей своей беззаботности и простоте она в глубине души истосковалась по теплу родного очага. Ей, конечно, хотелось бы назвать эту величественную женщину матерью, но достойна ли она?

— Глупышка, мне не нужна благовоспитанная девица из знатного рода, мне нужна дочь. Сяо Яньцзы, согласна ли ты стать моей дочерью? — Императрица взяла её за руку. Ладонь была теплой, словно передавая незримую силу. Сяо Яньцзы истово закивала.

— Вот именно, Сяо Яньцзы, кто это сказал, будто ты ничего не умеешь? Я первый буду возражать! Другая бы девица ни за что не осмелилась голыми руками лезть в императорские зверинцы, — поддержал шутку Цяньлун.

Чувствуя себя на вершине блаженства, Сяо Яньцзы опустилась на колени и трижды звонко поклонилась Императрице.

Та поспешила поднять её:

— Ах ты, глупая девчонка, до чего же прямолинейная.

— Императрица... то есть... — Сяо Яньцзы смущенно поскребла в затылке.

— Ты всё еще зовешь меня Императрицей? — шутливо надула губки та, изображая обиду.

— Хи-хи, Императрица-Матушка! — послушно выкрикнула Сяо Яньцзы и льнуще прижалась щекой к её рукаву.

Императрица ласково щелкнула её по лбу, а затем протянула руку к стоявшей рядом Цзывэй:

— Как чудесно! Теперь у меня сразу две дочери.

Цзывэй звонким голоском тоже отозвалась:

— Императрица-Матушка!

Все трое тесно прижались друг к другу, и под сводами древнего зала воцарилась невероятно теплая, домашняя атмосфера.

Консорт Лин хоть и держала на лице безупречную улыбку, внутри вся кипела от зависти. Какая же хитрая эта Императрица! Сама она потратила столько сил, пытаясь приблизить Принцессу Минчжу, а эта соперница взяла и перехватила инициативу прямо из-под носа.

Не заметив перемены в лице Консорта Лин, Цяньлун с умилением созерцал картину материнской нежности:

— Ну а ты, Сяо Яньцзы, смотри мне, не вздумай обделять вниманием отца! Раз признала матушкой только Императрицу, про меня-то не забывай.

<http://bllate.org/book/22028/2290203>